

К ТИПОЛОГИИ ПЕДАНТОВ: случай Онегина

НАТАЛИЯ МАЗУР

*Ce terme pédant est fort équivoque...
Malebranche. De la recherche de la vérité*

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть.
Онегин был по мненью многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка,
С ученым видом знатока
Хранить молчанье в важном споре,
И возбуждать улыбку дам
Огнем нежданных эпиграмм [Пушкин: VI, 7].

V строфа первой главы «романа в стихах» оставляет нас в легком недоумении: кажется, что, называя своего героя *педантом*, Пушкин шутит — «отменно тонко и умно», но в чем соль этой шутки — непонятно.

В поисках объяснения мы первым делом заглядываем в «Словарь языка Пушкина». Слово *педант* здесь толкуется следующим образом:

1. Уничижительно об учителе, наставнике.
- 2.1. Человек, выставляющий напоказ свои знания, свою ученость, с апломбом судящий обо всем.
- 2.2. Самоуверенный, ограниченный человек, поучающий всех, сообщающий ходячие истины.
3. Человек, отличающийся мелочной точностью в соблюдении каких-нибудь пра-

вил, норм и требующий того же от других; сухой формалист, буквоед [Словарь: III, 259].

Составителями словаря наш случай отнесен к значению '2.1', и это решение до сих пор не вызывало принципиальных возражений.

Сходным образом эта строка интерпретируется большинством комментаторов романа¹. Толкование В. В. Набокова соединило оттенки значений '2.1', '2.2' и '3': он определил *педанта* как «человека, который склонен излагать, оглашать и едва ли не проповедовать свое мнение с большой настойчивостью и точностью в деталях. <...> Ученость без смирения или юмора — вот основная разновидность педантизма»². Авторская ирония, по мнению Набокова, двунаправлена: предметом ее является поверхностное образование Онегина и невежество «судей», принимающих легкое остроумие или уместное молчание молодого человека за демонстрацию излишне точного знания.

Ю. М. Лотман в своем комментарии прямо сослался на значение '2.1' и пояснил, что ироническое звучание возникает здесь «за счет противоречия между реальным уровнем знаний Онегина и представлением о нем “общества”, в свете которого умственный кругозор людей светского круга является в еще более жалком виде» [Лотман: 554].

Задачу окончательно прояснить смысл строки 1, V, 7, опираясь на лексикографические источники второй половины

¹ Особую позицию занимал Н. Л. Бродский: он утверждал, что в 1820-е гг. педантами могли называть людей, «которые отличались своим взглядом на жизнь, своими привычками от обычной толпы “большого света”», а значит Пушкин скрыл в характеристике своего героя намек на его политическое вольнодумство [Бродский: 37] (впервые это толкование появилось в издании 1937 г.). Толкование Бродского большинством исследователей было отвергнуто за безосновательностью.

² “... the person who likes to perorate, to air, if not to preach his opinions, with great thoroughness and precision of detail. <...> Scholarship without humility or humour is a basic type of pedantry” [Nabokov: II, 46].

XVIII – начала XIX вв., поставили перед собой И. Г. Добродомов и И. А. Пильщиков [Добродомов, Пильщиков 2008: 28–42]³. Собранный ими богатый материал позволил дополнить значение ‘2.1’ за счет коннотаций *неуместности* соответствующего поведения: по мнению исследователей, слово *педант* обозначает здесь ‘человека, выказывающего не к месту свою ученость’⁴.

Заметим, однако, что это уточнение лишь заострило проблему: ни значение ‘2.1’ «Словаря языка Пушкина», ни вариант, предложенный Добродомовым и Пильщиковым на основании словарей предпушкинской и пушкинской эпохи, не согласуются с непосредственным контекстом. В V строфе автор описывает своего героя как образец хорошего тона: разговор его легок и занимателен, а молчание своевременно и уместно. Да и строфой выше, упомянув безукоризненный французский язык Онегина, его умение танцевать и «кланяться непринужденно», Пушкин обращался к читателям с вопросом: «Чего ж вам больше? Свет решил, / Что он умен и очень мил» [Пушкин: VI, 7].

Итак, существующие объяснения пушкинского словоупотребления не позволяют понять, на чем основан приговор оне-

³ Предшествующие публикации: [Добродомов, Пильщиков 2004: 256–258; Добродомов, Пильщиков 2001: 256–270; Добродомов, Пильщиков 2000: 26–37].

⁴ Прочитируем (с модернизацией орфографии и выделением важных для нас лексем) некоторые примеры из этой статьи: “Pédant. <...> De celui qui affecte **hors de propos** de paroître savant, ou qui parle avec un air **trop décisif**” (Dictionnaire de l’Académie française, 1762) [Педант. <...> О том, кто **некстати** стремится выказать свою ученость или <...> говорит с видом **чересчур** уверенным]; «...ученой дурак, который **некстати** хочет казаться ученым и говорит с решительным видом» (Полный Французский и Русский Лексикон, 1786); «человек надменный ученостию своею **без меры**, который в разговорах и поступках берет на себя важный **несносный** вид, говорит обо всем **некстати** и решительным образом» («Новый словотолкователь» Н. Ф. Яновского, 1806) [Добродомов, Пильщиков 2008: 32–33].

гинских «судей» и почему их мнение так разительно отличается от мнения остального света. Возможно, давнее предостережение В. В. Виноградова, утверждавшего, что «восстановление полной семантической истории слова даже в пределах XVIII–XX вв. только по данным толковых словарей почти невозможно» [Виноградов: 41]⁵, было отвергнуто Добродомовым и Пильщиковым слишком поспешно. Попробуем последовать рекомендации Виноградова и рассмотрим эволюцию понятия *педант* на литературном материале.

I

Классический литературный тип *педанта* сформировался во Франции XVII в. — в эпоху кризиса университетов и университетского образования⁶. Излюбленным героем в комедиях, сатирах и романах того времени выступал профессиональный педагог, одетый в длинное черное платье (*gobe*) и напитанный ученостью (обычно — латинской или греческой), выдаваемой им без повода и не к месту⁷. В число « пороков и нелепостей» (*les vices et les ridicules*) классического педанта входили поверхностность познаний, носящих схоластический, а не эмпирический характер; слепое следование правилам, почерпнутым из книг, а не из жизни; внимание к форме в ущерб сути и, наконец, замороженность собственной речью и неумение слышать других. Наиболее популярной коллизией, сопровож-

⁵ Полемика с этим тезисом: [Добродомов, Пильщиков 2008: 40].

⁶ Истории классического типа педанта во французской литературе XVII в. (от Монтеня до Мольера) посвящена специальная работа [Roué] (пользуюсь случаем сердечно поблагодарить С. Л. Козлова, который не только указал мне на эту книгу, но и щедро предоставил ее в мое распоряжение). Предмет нашего интереса — постепенное расширение представлений о педанте и педантизме — в книге Руайе только намечен — в силу изначально иной задачи и более узких хронологических границ ее исследования.

⁷ Руайе обнаружила образы педантов приблизительно в 50 французских комедиях, более чем в 20 сатирических стихотворениях и в таком же количестве прозаических сочинений XVII в. [Roué: 22].

давшей педанта в комедии, был любовный афронт: ситуация неудачной влюбленности удачно оттеняла самые нелепые стороны этого характера⁸.

Однако границы понятий *педант* и *педантизм* уже в это время не ограничивались классическим типом. Сатирической атаке на университетских педагогов и схоластическую ученость предшествовала попытка более широкого осмысления педантизма как социального и психологического феномена. Монтень, сам прошедший через руки педантов в бордосском коллеже, посвятил целую главу «Опытов» (1580; кн. I, гл. XXV “Du pedantisme”) размышлениям о педантизме и педантическом воспитании:

Принимая во внимание способ, которым нас обучают, неудивительно, что ни ученики, ни сами учителя не становятся от этого мудрее, хотя и приобретают ученость. И, в самом деле, заботы и издержки наших отцов не преследуют другой цели, как только забить нашу голову всевозможными знаниями; что до разума и добродетели, то о них почти и не помышляют. <...> Мы трудимся лишь над тем, чтобы заполнить свою память, оставляя разум и совесть праздными. Иногда птицы, найдя зерно, уносят его в своем клюве и, не попробовав, скармливают птенцам; так и наши педанты, натаскав из книг знаний, держат их на кончиках губ, чтобы тотчас же освободиться от них и пустить их по ветру. <...> Но что еще хуже, ученики и птенцы наших педантов не насыщаются их наукой и не усваивают ее; она лишь переходит из рук в руки, служа только для того, чтобы ею кичились, развлекали других и делали из нее предмет занятого разговора, она вроде счетных фишек, непригодных для иного употребления и использования, кроме как в счете или в игре. <...> Мы умеем сказать с важным видом: «Так говорит Цицерон» или «таково учение Платона о нравственности», или «вот подлинные слова Аристотеля». Ну, а мы-то сами, что мы скажем от своего имени? Каковы наши собственные суждения? Каковы наши поступки? А то ведь это мог

⁸ Хороший пример жизнестойкости этого типа — чеховский «человек в футляре»: нелепая одежда, вата в ушах, демонстративное преклонение перед греческим языком, любовь к циркулярам, наконец, трагикомическая история влюбленности Беликова в Вареньку — все эти черты восходят к классическому типу педанта.

бы сказать и попугай. <...> Кто присмотрится повнимательнее к этой породе людей, надо сказать, довольно распространенной, тот найдет, подобно мне, что чаще всего они не способны понять ни самих себя, ни других, и что, хотя память их забита всякой всячиной, в голове у них совершенная пустота [Монтень: 127–128, 130]⁹.

По-видимому, именно автор «Опытов» первым выстроил ту оппозицию ценностей и качеств, которая легла в основу осмысления феномена педантизма в моральной философии XVII–XVIII в.: под его пером педант стал воплощением победы всего внешнего, формального, искусственного — над внутренним, свободным и естественным. Монтень расширил социальные границы феномена, сделав центром проблемы не педантов, а их воспитанников: профессиональный педантизм для него не более чем смешон, но моральные и интеллектуальные изъяны, распространяющиеся под влиянием педантического воспитания в «хорошем обществе», где поверхностная ученость вытесняет природную способность к здравому суждению, а погоня за внешним блеском подавляет внутренний рост и развитие личности, могут в конечном счете ослабить мощь и благополучие государства.

Вслед за Монтенем к проблеме педантизма обратились многие философы XVII в. Локк, как и автор «Опытов», предостерегал против опасности педантического воспитания для джентльменов — ср. в «Мыслях о воспитании» (1691):

Языки нужно изучать только путем чтения и письма, а не заучиванием наизусть отрывков из сочинений писателей; человек, начинивший этим свою голову, вооружается всем, что нужно, чтобы стать педантом: это верный путь к педантизму, который менее всего приличествует джентльмену. В самом деле, что может быть смешнее человека, перемешивающего богатые и прекрасные мысли других с порядочной порцией своего собственного убогого материала, который от этого становится еще заметнее, но отнюдь не привлекательнее... [Локк: 570–571].

⁹ Перевод А. С. Бобовича. Ср. в оригинале: [Montaigne: 163–165, 169].

Гоббс понимал под педантизмом отказ человека от природной способности к рассуждению (*reason*) ради слепой веры в приобретенные знания — ср. в «Левиафане» (1651):

...признаком безрассудства, презрительно называемого педантизмом, является то, что человек, не имеющий в каком-либо деле безошибочного знания, необходимого для успеха в этом деле, отказывается от собственной природной способности суждения и руководствуется общими сентенциями, вычитанными у писателей и подтвержденными многочисленными исключениями [Гоббс: 35]¹⁰.

Мальбранш объяснял педантизм не только интеллектуальными, но и моральными несовершенствами человека — ср. в «Исследовании истины» (1674):

Понятие *педант* чрезвычайно двусмысленно, однако употребление его, на мой взгляд, да и здравый смысл заставляют называть педантами тех, кто, желая выставить напоказ свою мнимую ученость, цитирует наобум всевозможных авторов, говорит лишь для того, чтобы сказать и чтобы им восхищались глупцы, копит без рассудка и без разбору апофегмы и исторические случаи, чтобы доказать или якобы доказать то, что можно доказать только рассуждениями. Противоположностью педанта является человек рассудительный (*raisonnable*) <...>. Педанты не способны рассуждать здраво (*raisonner*), поскольку ум (*esprit*) их ограничен и подавлен ложной эрудицией, да они и не желают этого делать, по-

¹⁰ Перевод А. Гутермана (под ред. А. Ческиса и Е. М. Вейцмана). Указанием на эту цитату я обязана А. Б. Блюмбауму. Ср. отзвуки рассуждений Гоббса и Локка в педагогическом трактате Г. Б. Бланка (1839): «Разве ребенку надо быть профессором? Недостаточно ли ему тех сведений, какие может передать совершенный человек, одаренный здравым смыслом и имеющий хотя некоторое образование? Дитя его будет не так учено — согласен, но приучится лучше и правильнее судить о вещах, а это разве менее важно? С такою способностью оно всегда перегонит какого-нибудь ученого попугая, потому что его рассудок будет более развит и подготовлен к основательной деятельности, тогда как ум педанта лишь обременен кучею поверхностных знаний и полон хвастливости и упрямой самонадеянности» [Бланк: 21–22].

сколько видят, что иные люди больше уважают их и восхищаются ими за цитату из неизвестного автора или античную сентенцию <...>. Педанты тщеславны и горды, наделены обширной памятью и малой рассудительностью, удачливы и сильны в цитатах, но жалки и слабы в доказательствах; воображение их пылко и громадно, но непостоянно и беспорядочно... (ср. в оригинале: [Malebranche: 173–174])¹¹.

Заметим, что если для Монтеня и Локка педантизм имеет «контактную» природу, переходя от профессионального педанта к его воспитанникам, то для Гоббса и Мальбранша этот феномен уже не связан с породившей его профессиональной средой и представляет собой изъян в образе мысли и в душевном складе человека вообще.

Расширенное понимание педантизма размывало границы классического литературного типа. Первоначально во Франции «интеллектуальный и литературный идеал XVII в. формировался как реакция против университетского духа и против типа педанта» [Mesnard: 180]. Социальное и в особенности речевое поведение профессионального педанта было одной из анти-моделей при складывании нового представления о светском «вежестве» (*civilité*), центральное место в котором зани-

¹¹ Моралистическую трактовку педантизма исповедовал лицейский преподаватель Пушкина, А. И. Галич: «Гордость бывает *светская, школьная* (педантизм) и *духовная*. <...> педантизм, как спесь школьная, не только исключительно занимается вещами менее существенными, <...> но и навязывает свой односторонний вкус всем и каждому. <...> педантизм обманывается в оценке вещей, <...> не только присвоивает исключительную и безусловную цену вещам подчиненным, но еще и с жалкою, коварною и презрительною миною глядит то на случайные недоразумения и промахи нововведения, то на другие лица *не его прихода*. Так смотрит правоверный на своего соседа-еретика, так смотрит дипломат и полицейский чиновник на образованных граждан, кои в своем мнении о делах общественных позволяют себе отступать от *форменного* способа мыслей и чувствований. Педантизм возможен не в одном быте ученых <...>; мы встречаем его даже в форме довольно чинной и шеголеватой» [Галич: 298–300].

мало искусство беседы. Модель светской беседы, сформировавшаяся в кружке маркизы де Рамбуйе, включала в себя отшлифованность языка, остроумие, оригинальность суждений и широкую образованность, позволяющую поддерживать разговор на разные темы, не докучая собеседникам излишне точными познаниями в одной области¹². Первым антиподом педанта стал *bel esprit* (светский остроумец), в совершенстве владевший этим искусством.

Однако в глазах философа-моралиста достоинства *bel esprit* оказывались опасно близки к недостаткам педанта: оба добивались успеха, опираясь на риторические навыки, а не на моральные достоинства или общественные заслуги; оба обладали поверхностной ученостью, а не глубокими практическими познаниями в одной области; наконец, оба неукоснительно следовали особой системе правил, регламентировавшей их риторическое поведение, манеры, одежду и т.д. [Royé: 164–181].

Знак тождества между этими типами стоит в «Ученых женщинах» Мольера (1672): светский остроумец (*bel esprit*) Триссотен и профессиональный педант Вадиус — персонажи одного склада¹³; самовлюбленные и тщеславные, они стремятся к успеху у светских дам, завоевывая их благосклонность красноречием и мнимой ученостью.

Этими же чертами в главе «О светском обществе и об искусстве вести беседу» Лабрюйер наделил Кидия, прототипом которого, как известно из «Ключа» к «Характерам», послужил один из славнейших *beaux esprits* того времени, Фонтенель:

¹² О роли беседы в новом представлении об учтивости см., например, [Неклюдова: 32–60].

¹³ Добродомов и Пильщиков подчеркнули важность «Ученых женщин» для литературного типа педанта, однако без оговорок отнесли к педантам и Триссотена, и Вадиуса [Добродомов, Пильщиков 2008: 39]; тем самым они оказались благодарными реципиентами замысла Мольера, стремившегося доказать сходство *bel esprit* и педанта, но упустили из вида важный этап в расширении социальных границ второго типа.

Не успеет этот утомительный болтун где-нибудь появиться, как сразу же начинает втираться в доверие к женщинам, покоряя их своим острословием, философскими познаниями, выкладывая диковинные теории. Пишет Кидий или говорит, он как чумы избегает равно и заблуждений и истины, разумного и нелепого, ибо единственное его желание — думать иначе, нежели другие, и ни в чем не быть похожим на них; поэтому когда в обществе — случайно или его же стараниями — возникает разговор на какую-либо тему, он ждет, чтобы все высказали свое мнение, а потом безапелляционным тоном заявляет нечто ни с чем не сообразное, но с его точки зрения бесспорное и не подлежащее дальнейшему обсуждению. Кидий приравнивает себя к Лукиану и Сенеке, смотрит свысока на Платона, Вергилия и Феокрита <...> Связанный сходством вкусов с хулителями Гомера, он доверчиво ждет, чтобы люди прозрели и предпочли греку современных поэтов, ибо отводит себе первое место среди них и даже знает, кто занимает второе. Словом, он наполовину педант и наполовину жеманник, созданный для того, чтобы им восхищались и жители столицы и провинциалы, хотя единственное, что в нем действительно велико, это самомнение [Лабрюйер: 120–121]¹⁴.

К устоявшемуся набору « пороков и нелепостей » педанта-bel esprit (самоуверенность, тщеславие, мнимая ученость, установка на женское внимание) Лабрюйер добавил новую черту: в споре « древних и новых » его Кидий занимает сторону ниспровергателей классических авторитетов (« хулители Гомера »).

Едва ли случайно, что портрет Кидия впервые появился в издании « Характеров » 1694 г. — одновременно с трактатом Буало « Критические рассуждения о некоторых отрывках из ритора Лонгина », где содержался еще один портрет « нового » педанта, поводом для которого послужил упрек в « педантическом высокомерии », адресованный самому Буало его главным оппонентом в споре « древних и новых », Шарлем Перро:

Что же до педантического высокомерия, может быть, бесполезно будет объяснить <...> что такое педант. <...> [Господин Перро полагает], что педант — это ученый, вышедший из стен

¹⁴ Перевод Э. Линецкой и Ю. Корнеева. Ср. в оригинале: [La Bruyère: 68].

коллежа и напитанный греческим и латынью, который слепо восхищается всеми древними авторами; не верит, что в природе можно открыть что-нибудь новое и пойти дальше Аристотеля, Эпикура, Гиппократы, Плиния; счел бы себя святотатцем, найди он у Вергилия места, достойные критики; полагает Теренция не просто приятным автором, а верхом совершенства; не заботится о внешнем лоске (*politesse*) и не только никогда не порицает ни одного из древних авторов, но напротив предпочитает малочитаемых авторов, вроде Ясона, Бартоло, Ликофрона, Макробия, etc.

Он очень удивился бы, если бы узнал, что педант это нечто совсем обратное; что это человек самодовольный, который при образовании весьма поверхностном судит обо всем весьма строго; непрестанно хвалится своими открытиями; смотрит свысока на Аристотеля, Эпикура, Гиппократы, Плиния; бранит всех древних авторов; пишет, что Ясон и Бартоло были невеждами, а Макробий — школяром; находит, правда, некоторые сносные отрывки у Вергилия, но при этом готов его за многое освистать; сквозь зубы признает приятность Теренция, но больше всего печется о внешнем лоске (*politesse*), не находя в рассуждениях большинства древних ни порядка, ни благоустройства (*économie*); одним словом, тот, кто преспокойно противоречит в этом мнениям всего света (ср. в оригинале: [Voileau: II, 415–416]).

Трактовка Буало построена на опровержении внешних атрибутов комического типа педанта (университетское образование, знание древних языков и литератур, приверженность к авторитетам, пренебрежение отшлифованностью речи и манер¹⁵) ради внутренних, сущностных характеристик (поверхностная ученость, стремление к оригинальности любой ценой, склонность к безапелляционным суждениям, преимущественная забота об отшлифованности речи и манер).

Упрек в педантизме такого рода мог быть предъявлен уже не только beaux esprits, но и светскому обществу вообще¹⁶.

¹⁵ Об отшлифованности речи и манер как основе концепции *politesse* см. [Старобинский: I, 123–128].

¹⁶ Ср. определение педанта во «Всеобщем словаре» Антуана Фуретьера (1690), опередившем «Словарь Французской Академии»: “Pédant, se dit aussi de celui qui fait un mauvais usage des sciences, qui les corrompt et alterte, qui les tourne mal, qui fait de méchantes

Одним из первых на подобное обобщение пошел Мольер, выведя в «Критике “Школы жен”» (1663) педанта-«маркиза» — одного из тех аристократов,

которые роняют свое достоинство и делаются посмешищем, которые смело и решительно судят о том, чего не знают; которые поднимают крик в неудачном месте пьесы, а всех ее красот не замечают; которые ругают и хвалят картину или музыку наперекор здравому смыслу и, нахватавшись разных ученых наименований, коверкают их и употребляют некстати [Мольер: II, 503]¹⁷.

В начале XVIII в. педантизм уже регулярно упоминается в числе «пороков и нелепостей» большого света. Кребийон-сын в «Заблуждениях сердца и ума» (1736–38) так описал новый светский тип *фата*:

Этот человек <граф Версак> высокого мнения только о самом себе и клеветает на весь свет без совести и без милосердия. Десятка два женщин, таких же легкомысленных и безнравственных и, может быть, еще более презренных, чем он, создали ему славу и сделали модным кумиром. Он изъясняется на каком-то особенном жаргоне, в котором соединяет поверхностный лоск светского фата с безапелляционностью педанта. Он не знает ничего, а судит обо всем. Но он носит громкое имя. Он так хвастает своим умом, что в конце концов убедил всех, что умен [Кребийон: 109–110]¹⁸.

Интересно, что очевидные различия между типами *bel esprit* и *фата* не помешали им оказаться в одинаковых отношениях с интересующим нас типом. Фаты, вслед за *beaux esprits*, счита-

critiques et observations, comme font la plupart des gens du college. Il y a aussi bien des Pédants à la Cour et dans la ville, que dans l'Université [Furetière: S.p.] [*«Педант*, говорится также о том, кто худо пользуется науками, кто их искажает и портит, толкует в дурную сторону, кто выступает со злыми критиками и замечаниями, как делает большинство людей в коллежах. Педанты бывают и при дворе, и в городе, а не только в университете»].

¹⁷ Перевод А. М. Арго. Ср. в оригинале: [Molière: 654].

¹⁸ Перевод А. А. Поляк и Н. А. Поляк. Ср. в оригинале: [Crébillon: 135]. Пользуюсь случаем поблагодарить Е. Е. Дмитриеву за плодотворный спор о взглядах этого автора на светский педантизм.

ли себя полной противоположностью педантов, а критики-моралисты, напротив, настаивали на их внутреннем родстве.

Кребийон обнажил это противоречие в наставлениях Версака молодому Мелькуру. Хотя в преподаваемой графом науке «хорошего тона» есть специальное предостережение против педантизма¹⁹, человек, усвоивший эту науку, неизбежно становится носителем основных недостатков педанта: он заботится о внешнем (одежде, аргументах, тоне и т.д.) в ущерб внутреннему, претендует безо всяких оснований на всеобъемлющую ученость, не сомневается в собственной правоте и т.д.:

Несмотря на крайнее невежество, на которое обрекает светского человека хороший тон, он обязан обо всем высказываться решительно и с апломбом. <...> Если хороший тон велит высказывать свои мнения уверенным голосом, то он отнюдь не требует доказательств <...> Ничего не знать, но думать, что все знаешь; <...> считать себя одинаково неотразимым и в серьезной беседе и в шутилке; <...> вкладывать бездну остроумия в слова и обнаруживать ребяческую глупость в мыслях; говорить вздор, утверждать его, повторять его — вот в чем состоит самый наилучший тон, присущий хорошему обществу [Кребийон: 221–223] (ср. в оригинале: [Crebillon: 291–292]).

Педантизм назвал характерной чертой светского общества Воленарг (1740-е гг.), подметивший связь этой дефиниции со сменой поколений и культурных парадигм:

Если быть педантом означает подчеркивать свою особость, повсюду добавлять остроумия (*esprit*), размышлять и выражаться причудливо, разве мы не найдем педантов среди людей пишущих и людей светских (*gens du monde*)? Сегодня в книгах и в лучшем обществе мы видим тьму остроумия без верности суждений, желание блистать в ущерб рассудку, чрезвычайно самонадеянное невежество или чрезвычайно поверхностные познания. Мало кому захочется услышать, что светские люди и остроумцы (*beaux-esprits*) это те же педанты, и что истинно любезными можно назвать лишь малое число людей разумных и простых, образованных, но не блистательных, ставящих превыше всего рассудок и

¹⁹ Ср.: «настоящий хороший тон требует ясного ума без педантизма» [Кребийон: 225], “l’esprit orné sans pédanterie” [Crebillon: 294].

естественность. Меж тем если бы сто двадцать лет тому назад кто-нибудь сказал, что отель Рамбуйе был наполнен педантами и жеманницами, никто не стал бы его слушать. Но спустя совсем немного лет это было сказано и сегодня уже никто в этом не сомневается. Не нам судить о нашем веке, а те, кто придут после нас, будут смеяться над нашим тоном и нашими модами, если их собственные не окажутся еще хуже (ср. в оригинале: [Vauvenargues: 100–101]).

В сатирической литературе XVIII в. упрек в педантизме стал устойчивой частью анти-щегольского дискурса²⁰. Большой популярностью пользовалась статья Аддисона о педанте в «Зрителе» (1711):

Человека, выросшего среди книг и не способного говорить ни о чем ином <...> мы называем педантом. Но, по моему мнению, мы должны расширить это именование и давать его всякому, кто не способен думать о предметах, выходящих за пределы его профессии и образа жизни. Можно ли представить себе большего педанта, чем обычный столичный щеголь (a meer Man of the Town)? Запретите ему говорить об игорных домах, о списке первых красавиц и об испытанных им модных недугах — и он онемееет²¹.

Аддисон максимально расширил социальные границы феномена, описав также педанта-придворного, педанта-военного,

²⁰ Ср. колоритный пример отождествления педанта и фата в английской сатирической традиции: комментируя античный анекдот о педанте («Некий педант, желая узнать, хорош ли он спящим, поместился перед зеркалом, закрыв глаза»; Филогелос 11), анонимный издатель писал: «Этот педант Гиерокла был не единственным фатом (soxcomb), чье тщеславие приобрело столь оригинальную форму. Князь Потемкин воображал, что сон очень идет ему, и часто притворялся спящим; так, лежа на диване, он принимал первых лиц в России, которые ожидали его пробуждения и восхищались им в его притворном забытии». — *The European Magazine and London Review*. March 1820. P. 212 (на этот пример мне указал Н. Г. Охотин).

²¹ *The Spectator*. № 105. June 30, 1711. Набоков считал, что аддисоновское определение ближе всего к пушкинскому описанию образования Онегина [Nabokov: 47].

педанта-стряпчего и педанта-политика, одинаково склонных замкнуть свои познания и интересы в одной сфере, игнорируя весь остальной мир. Однако его последователи, как правило, сосредоточивали острие сатиры на светских типах: аббат де Петити объединил в одной статье педанта и фата²², Кант в «Антропологии с практической точки зрения» (1798) назвал самым нелепым и бесполезным из всех педантов — придворного²³.

Критика светского педантизма проникла и в русскую литературу. Приведем два наиболее, на наш взгляд, характерных примера. И. И. Голиков в «Деяниях Петра Великого» (1787–89) называет педантическое высокомерие щеголей следствием неправильного воспитания:

<не французские ли воспитатели виной тому, что молодые соотечественники наши> с малым познанием и то одних поверхностей наук, учинились искусными в одном, то-есть в знании так называемого модного вкуса, состоящего в бесчисленных пустошах, модою предписываемых <...> И не к сему же ли классу ученых отнести должно и тех, которые почитают за остроту глумиться над всем священным, до веры и закона своего относящимся; с презрением говорить о предках своих и о самом отечестве; <...> и с педантической, так сказать, надутливостью, смотреть на людей, по их мнению невоспитанных, потому только, что не говорят по-французски, не хвастаются, по примеру их, познаниями своими и не подобны им в ветрености [Голиков: 488]²⁴.

²² [Petity: 278–282]. Цитата из Аддисона (без ссылки на первоисточник): [Idem: 279–280].

²³ [Кант: 370]; и здесь Аддисон перефразирован без ссылки.

²⁴ К своему рассуждению автор сделал примечание: «Для разумных людей (говорит один из мудрых) нет ничего несноснее надменного педанта, который говорит только пословицами и решит все споры краткими сентенциями. Сей род глупости несносен потому, что принимает на себя вид мудрости» [Idem]. Точного источника цитаты найти не удалось, однако довольно близко к ней звучит фрагмент из Мальбранша: “ce qui rend les pédants odieux aux personnes d’esprit c’est que les pédants ne sont pas raisonnables <...> Les pédants <...> ne veulent pas raisonner <...> citent

В «Московском Телеграфе» в 1826 г. под маской «перевода с французского» появилось язвительное рассуждение о светском педантизме, предвосхитившее выступления братьев Полевых против «литературной аристократии»:

... педантизм есть везде и во всех званиях общества. Благодаря просвещению, между профессорами, журналистами, критиками и писателями ученый педантизм истребляется; зато усиливаются у нас другие педантизмы, например — *педантизм большого света*. <...> Как много видим его ныне, в самом большом, блестящем свете и какой это несносный и смешной педантизм! <...> Большой свет терпеть не может педантов и не замечает, что большая часть модных людей его сделались самыми смешными, забавными педантами! Правда, они не говорят по-латински и по-гречески — тем хуже для них; но как не назвать педантами тех людей, которые беспрестанно дают вам разуметь, что они *светские люди*, что они имеют право прыгать на паркетах знатных бар, прогуливаться с графинями, пить с князьями и разваливаться на диванах баронов? Вы узнаете светского педанта по решительности, с какою он говорит обо всех предметах: политике, войне, музыке, литературе, театрах, журналах, книгах и проч. и проч.²⁵

Итак, даже самый краткий очерк эволюции понятия *педант*, основанный на литературных источниках, позволяет объяснить жалобы Мальбранша на двусмысленность этого термина.

quelque auteur inconnu et quelque sentence d'un ancien" [Malebranche: 242] [педанты несносны для разумных людей своей неспособностью к рассуждению <...> Педанты <...> не желают рассуждать <...> <вместо этого они> цитируют какого-нибудь неизвестного автора и какую-нибудь древнюю сентенцию].

²⁵ Педантизм // Московский Телеграф. 1826. Ч. XI. № 19. С. 138–139. Статья не подписана. Открывающая ее цитата из «Эпистолы о педантах в обществе» Никола-Жозефа Сели (1771) и начальный тезис о том, что светское общество полно педантами, скорее всего, действительно, были заимствованы из французского эссе «О педантизме» (1812) известного критика и переводчика Жана Дюссо ([Dussault: 566–570]; фрагмент из Сели, воспроизведенный в «Телеграфе», см.: [Idem: 570]), однако основное содержание русской статьи не связано с текстом Дюссо.

Размывание профессиональных границ феномена, заметное уже у Монтеня в конце XVI в., достигло апогея двумя столетиями позже, когда соответствующие «пороки и нелепости» были перенесены на *bel esprit* и фата — типы, изначально противопоставлявшие себя классическим педантам. Перенос закрепился во французских словарях, фиксирующих, начиная с середины XVIII в., синонимический ряд *pédant, bel esprit, fat*²⁶.

Амбивалентности понятия *педант* особенно способствовали такие черты этого типа, как склонность к безапелляционным суждениям и нетерпимость к «другому». Человек, обвинивший своего ближнего в педантизме, проявлял тем самым наихудшие черты педанта и провоцировал обвиняемого к полемике по принципу «сам съешь» («Сим выражением в энергическом наречии нашего народа заменяется более учтивое, но столь же затейливое выражение: обратите это на себя. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно шутками и колкостями своих же противников» [Пушкин: XI, 169]).

Обоюдоострый характер обвинения в педантизме обыграл уже Мольер в «Ученых женщинах»:

Триссотен: Педанты от баллад в восторге и сейчас.
Вадиус: Но отчего ж тогда к ней вкуса нет у вас?
Триссотен: Своими свойствами вы всех снабдить готовы.
Вадиус: Нахально мне свои кидаете в лицо вы
 [Мольер: II, 579]²⁷.

Первый критик педантов, Монтень, послужил символом педантизма для Мальбранша²⁸. Упрекнув Буало в педантическом

²⁶ Ср.: “*Sçavantas*. Mot méprisant, comme qui diroit, mauvais sçavant ou ignorant, pédant, fat” [Panckoucke: 351]; “*Litterio*. <...> Demi-savant, bel esprit, pédant” [Noel: 556]; “*Pédant*. <...> Synon. babil-lard, bel esprit, bonze (fam.), cuistre, fat...” [Tresor: 1255].

²⁷ Перевод М. Тумповской. В оригинале: “*Trissotin*: Elle a pour les pédants de merveilleux appas. / *Vadius*: Cependant nous voyons qu’elle ne vous plaît pas. / *Trissotin*: Vous donnez sottement vos qualités aux autres. / *Vadius*: Fort impertinemment vous me jetez les vôtres” (Les Femmes savantes. III, 3, 1011–1014).

высокомерии, Перро получил в ответ портрет «нового» педанта. *Vel esprit* и фат презирали педантов, но проявляли их характернейшие черты. Число аналогичных примеров нетрудно умножить²⁹.

II

Большинство процитированных нами французских сочинений образованному современнику Пушкина было известно если не в подлиннике³⁰, то в переводе³¹. Европейский анти-педантический дискурс к тому времени вполне укоренился на русской

²⁸ Обличение педантов у Мальбранша строится как полемика с «Опытами» Монтеня, именуемого “*pédant à la cavalière*” — «кавалерствующим педантом».

²⁹ Ср. эпиграмму Пушкина «Добрый человек» (конец 1810-х гг.), пуант которой строится на синонимии *pédant* = *sot*: «Ты прав — несносен Фирс ученый, / Педант надутый и мудреный — / Он важно судит обо всем, / Всего он знает по немногу. / Люблю тебя, сосед Пахом — / Ты просто глуп, и слава богу» [Пушкин: II, 132]. Ср. игру на саморазоблачении педанта в анекдоте: «В одном обществе говорили о военном искусстве и сравнивали между собою великих полководцев новых и древних времен. Некто начал превозносить Юлия Кесаря, называя его записки образцовыми. — Я не люблю Юлия Кесаря, сказал один человек, желавший прослыть ученым. — За что? спросили его. — За то, что он педант, отвечал спорщик. Почему? вскричали все присутствующие. — Педант и большой педант! воскликнул в сердцах мнимый ученый, — иначе он не написал бы книги для военных людей — на латинском языке!» (Литературные листки. 1824. Ч. 3. Июль. Т. 13. Ч. XIV. С. 46).

³⁰ О раннем знакомстве Пушкина с классическими французскими авторами см. [Вольперт: 6–34]; остроумное доказательство его увлечения Лабрюйером еще в Лицее см. [Idem: 35–49].

³¹ Ссору Триссотена и Вадюса выбрал для перевода из «Ученых женщин» Дмитриев [Дмитриев: I, 76]; «Характеры» Лабрюйера в переводе Н. Ильина вышли в Москве в 1812 г.; «Критические рассуждения» Буало — там же, в 1807 (переводчик — П. Отн.-Хфр.).

почве³². Таким образом, у автора «Онегина» были все основания рассчитывать на то, что различные оттенки иронии в употреблении понятия *педант* будут понятны его читателям.

Именование Онегина педантом полностью соответствует сформировавшемуся в XVIII в. представлению о светском педантизме³³. Более того, эта характеристика ясно указывает на связь начальных строф первой главы, в которых описано первоначальное формирование героя, с традицией европейской моралистики.

Как и другие последователи Монтеня, Пушкин связал педантизм с неправильной моделью воспитания, нацеленной не на совершенствование личности, а на блестящий внешний эффект:

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть [Пушкин: VI, 7].

Такая педагогическая модель неразрывно связана с системой светских ценностей. Оценка, которую молодой человек полу-

³² Подробное исследование русской рецепции этого дискурса увело бы нас слишком далеко от предмета статьи. К примерам, уже приведенным в примечаниях, добавим только один. Критика светского педантизма была вполне актуальна еще для Белинского: герой его очерка «Педант. Литературный тип» (1842) соединил черты классического педанта (профессиональный педагог), *bel esprit* (модный автор, жертвующий ради оригинальности здравым смыслом; любитель светского и в особенности дамского общества) и фата (его пристрастие к желтым перчаткам — отсылка к «желтым перчаткам» фата в ценимой Белинским повести И. И. Панаева «Онагр»).

³³ Решение Б. В. Томашевского поставить в академическом собрании в строфе V после слова *педант* двоеточие, а не точку (справедливую критику этого решения с текстологической точки зрения см. [Добродомов, Пильщиков 2008: 30–31]), скорее всего, было вызвано желанием хотя бы таким образом (за полной невозможностью дать комментарий) указать читателям на неразрывную связь этого определения с описанием светских навыков Онегина.

чает, вступая в свет, зависит от усвоенных им навыков «хорошего тона», а не от его моральных качеств или глубины познаний (вспомним уроки графа Версака). Онегин снискал первое одобрение отшлифованностью языка и манер (ср. «нового» педанта Буало, который “*se pique surtout de politesse*”):

Он по-французски совершенно
Мог изъясняться и писал;
Легко мазурку танцевал,
И кланялся непринужденно;
Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил [Пушкин: VI, 6–7].

Главные претензии критиков-моралистов к педантическому воспитанию были вызваны чрезмерной заботой педантов о тренировке памяти и риторических навыков своих питомцев вместо привития им моральных ценностей и развития рассудительности. Вспомним сетования Монтеня на то, что при таком образовании «ни ученики, ни сами учителя не становятся мудрее, хотя и приобретают ученость»; в этой перспективе становится понятным, что в определении «ученый малый, но педант» нет внутреннего противоречия: Онегин, действительно, получил определенный запас «учености», но его ученость носит педантический, т.е. поверхностно-светский характер. В результате, как заправский *bel esprit*, он может говорить обо всем, не углубляясь в суть дела («Имел он счастливый талант / Без принужденья в разговоре / Коснуться до всего слегка...» [Там же: 7]). Его познаний достаточно для того, чтобы вовремя уснастить высказывание латинской цитатой или историческим анекдотом:

Он знал довольно по-латыне,
Чтоб эпитафьи разбирать,
Потолковать об Ювенале,
В конце письма поставить *vale*,
Да помнил, хоть не без греха,
Из Энеиды два стиха.
Он рыться не имел охоты
В хронологической пыли
Бытописания земли:

Но дней минувших анекдоты
 От Ромула до наших дней
 Хранил он в памяти своей [Пушкин: VI, 7–8].

Центром светской беседы, начиная с кружка маркизы де Рамбуйе, выступали женщины: только в их обществе мужчина мог усвоить необходимые навыки вежества: утонченность языка и манер, искусство нравиться и быть занимательным. Успех или неуспех в свете в конечном счете определялся мнением его женской части. Соответственно, критический взгляд на светское общество выявлял в его героях — *bel esprit* или фате — чрезмерную заботу о женском внимании.

Как мольеровский Триссотен и лабрюйеровский Кидий, Онегин умел «возбуждать улыбку дам / Огнем неожиданных эпиграмм» [Там же: 7]; ориентация его разговора на женскую аудиторию еще нагляднее в черновике V строфы:

Онегин был по мнению многих
 Судей решительных <и> строгих
 Ученый малый но педант.
 В нем дамы видели талант —
 И мог он с ними в с<а>мом деле
 Вести [ученый разговор]
 И [даже] мужественный спор
 О Байроне, о Манюэле
 О карбонарах, о Парни,
 Об генерале Жомини [Там же: 217].

Ю. М. Лотман считал, что этот фрагмент выставляет в невыгодном свете умственные способности Онегина, и приводил в подтверждение своего мнения цитату из письма Пушкина Бестужеву: «Первый признак умного человека — с первого взгляду знать с кем имеешь дело» [Пушкин: XIII, 138; Лотман: 401]. На наш взгляд, эти строки позволяют судить не столько об уме героя³⁴, сколько о его безукоризненной светскости: Онегин

³⁴ Ср.: «Спросили у Пушкина на одном вечере про барыню, с которой он долго разговаривал, как он ее находит, умна ли она? — Не знаю, — отвечал Пушкин, очень строго и без желания поостричь, — ведь я с ней говорил по-французски» [Анекдот: 224].

способен поддержать разговор на любую из занимающих его собеседниц тем и соблности при этом важное для искусства салонной беседы условие интеллектуального равноправия полов («мужественный спор»)³⁵.

Обвинения в педантизме, как мы видели, часто сопутствовали смене культурных парадигм — поводом к ним служил безапелляционный отказ от ценностей, казавшихся незыблемыми предшествующим поколениям. У Лабрюйера «новый» педант «смотрит свысока на Платона, Вергилия, Феокрита» и связан «сходством вкусов с хулителями Гомера»; Онегин «Бранил Гомера, Феокрита / За то читал Адама Смита...» [Пушкин: VI, 8] (ср. черновое: «Бранил Вергилия, Феокрита» [Там же: 220]).

Черное платье профессионального педанта и продуманный до мелочей наряд фата символизируют их принадлежность к особой «касте» и заботу о внешнем в ущерб внутреннему. В первой главе Пушкин повторно называет Онегина педантом, описывая его внешний облик:

... мой Евгений,
Боясь ревнивых осуждений,
В своей одежде был педант
И то, что мы назвали франт [Там же: 15].

Итак, приговор «многих (судей решительных и строгих)» был вынесен в полном соответствии с европейской моралистической традицией: «блестящее» воспитание, наделив Онегина некоторой дозой «учености», превратило его в светского педанта — помесь остроумца и фата.

³⁵ О соотношении мужских и женских ролей в салонной беседе см.: [Cohen]. Отметим, что светский разговор, в котором женщина выступает арбитром хорошего тона, описан — но уже с положительным знаком — в восьмой главе романа: «Перед хозяйкой легкий вздор / Сверкал без глупого жеманства, / И прерывал его меж тем / Разумный толк без пошлых тем, / Без вечных истин, без педанства, / И не пугал ничьих ушей / Свободной живостью своей» [Пушкин: VI, 175].

Остается понять, кто же эти «многие». Очевидно, что они принадлежат к «хорошему обществу» (в противном случае они не имели бы возможности оценить манеры Онегина), но находятся с ним в отношениях внутренней оппозиции, присвоив себе роль наблюдателей и критиков. В богатой палитре светских типов, разработанной французской литературой XVIII в., такие характеры относились к разряду *esprit dur* (суровый / резкий ум)³⁶.

В то же время сама формула — «решительные и строгие судьи» — отсылает к одному из «общих мест» анти-педантического дискурса. Мольер в «Критике “Школы жен”» объявил, что светские педанты “*décident* toujours et parlent *hardiment* de toutes choses, sans s’y connaître” [Molière: II, 654] (буквально: «всегда судят (решают) и говорят строго обо всем, чего не знают»). Буало перефразировал формулировку Мольера: его педант “avec un médiocre savoir, *décide hardiment* de toutes choses” [Voileau: 416] («при посредственных знаниях судит (решает) обо всем весьма строго»). У Кребийона граф Версак “a su joindre au frivole du petit-maître, le ton *décisif* du pédant, il ne se connaît à rien et *juge* de tout” («соединил с фривольностью петиметра решительный тон педанта, он ничего не знал и судил обо всем») [Crébillon: 135]; сам Версак утверждал, что “s’il est du ton de la bonne compagnie de *décider* toujours, il n’en est point de justifier jamais sa *decision*” [Idem: 291] («если хороший тон состоит в том, чтобы все время судить, то нет никакой необходимости оправдывать свои решения») и т.д.³⁷

³⁶ Ср. предостережение Версака: “Sans cette condescendance, vous n’acquiescez que la réputation d’un *esprit dur*, et peu fait pour la société” [Crébillon: 324]; любопытна замена понятий в русском переводе: «Если вы не согласитесь снизойти до общества, то прослышите *злым педантом* и не займете в нем подходящего места» [Кребийон: 225].

³⁷ Ср. отзвук этой же формулы в характеристике Зарецкого: «...механик деревенский, / Зарецкий жорнов *осуждал*. / Идет Онегин с извиненьем. / «Но где же, — молвил с изумленьем / Зарецкий, — где ваш секундант?» / В дуэлях *классик и педант*, / Любил методу он из чувства...» [Пушкин: VI, 127].

Характеристика, заключенная Пушкиным в скромные, но многозначительные скобки, указывала на то, что критики Онегина заслуживают упрек в педантизме в той же мере, что и он. Еще яснее это выражено в черновом варианте:

На зло суду педантов строгих
Конечно не был он педант [Пушкин: VI, 217].

Так, в сжатом пространстве V строфы Пушкин столкнул два противоположных светских типа, *esprit dur* и фата, и обыграл их внутреннее родство с презируемым ими обоими типом педанта. Когда читатели романа перестали различать нюансы светской типологии XVIII – начала XIX вв., они лишились возможности оценить все оттенки пушкинской остроты³⁸.

³⁸ Заметим, впрочем, что Тынянову смысл пушкинской иронии был, скорее всего, прекрасно понятен — ср. в романе «Пушкин»: «Кюхля был ярый спорщик, Дельви́г почти всегда был с ним не согласен, Пушкин наслаждался спорами. Каждый оставался при своем. Крайности мнений были удивительные. Так, однажды Кюхля назвал Горация самодовольным светским фатом, педантом вроде Кошанского, и все трое, пораженные, остановились. Другой раз Пушкин, возражая Кюхле, который всюду таскал теперь с собою Гомера по-гречески и пытался его заунывно читать, назвал Гомера болтуном, и они вместе с Дельвигом тихо обрадовались ужасу Кюхли» [Тынянов: 140]. Здесь замечательно обыграна многозначность понятия *педант*: Кошанский — педант вдвойне, как с профессиональной точки зрения, так и в силу самодовольного светского фатовства; Кюхельбекер с его чрезмерным и демонстративным увлечением Гомером — типичный «древний» педант; Пушкин — педант из «новых» (именование Гомера «болтуном» перекликается с «Критическими размышлениями» Буало, где об отце всех педантов, Зоиле, сказано, что он «с педантическим высокомерием» называл «Илиаду» и «Одиссею» «старческими побасенками» (*contes de vieille*), а Гомера — «рассказчиком непристойностей» (*diseur de sornettes*) [Boileau: 414–415]). Наконец, и Кюхля, и Дельви́г, и Пушкин — педанты в силу любви к крайним и безапелляционным суждениям.

* * *

В завершение скажем несколько слов о возможной связи этой остроты с общей тканью первой главы «романа в стихах». В классической работе Лотмана о «принципе противоречия» как основе поэтики «Онегина» [Лотман: 395–411] убедительно показано, как авторская оценка героя в первой главе скользит между двумя жанровыми полюсами: сатиры и романтической поэмы. Сатира предполагает дистанцию между автором и героем, которая задана моральным превосходством описывающего над описываемым; эту точку зрения, как считал Лотман, Пушкин занимал на ранней стадии работы над главой. Байроническая поэма, напротив, тяготеет к отождествлению автора и героя: опасно приблизившись к этому полюсу к концу первой главы, Пушкин был вынужден написать специальную строфу, постулирующую «разность» между ним и Онегиным (LVI). Ослабление сатирического модуса по мере движения от начала к концу главы Лотман объяснял отходом Пушкина от радикального либерализма кишиневского периода: разочарование в идеологизированной (и уже в силу этого упрощенной) картине мира вылилось в замену сатиры иронией, «которая допускает не только насмешку над объектом, но и романтическую насмешку над самой идеей объективности мира» [Там же: 405].

Предложенное нами толкование V строфы позволяет внести некоторые уточнения в лотмановскую концепцию. Уже в самых первых строфах романа Пушкин заключил сатирический модус в иронические «кавычки»: автор романа дистанцировался не только от своего героя, но и от его «судей», вердикт которых совпадает с критическим взглядом на светские ценности, принятым в околодекабристских кругах³⁹. Однако

³⁹ Однако когда Пушкин был вынужден прямо сформулировать свои взгляды на воспитание в записке для Николая I (1826), он снова обратился к традиции критики педантизма, назвав среди изъянов домашнего образования преимущественное внимание к развитию риторических навыков, отсутствие фундаментальных познаний у домашнего педагога (по сути, того самого педанта),

Лотман совершенно прав, утверждая, что романтическая ирония нарастает к концу главы. Описывая сближение автора и героя в строфах XLV и XLVI, Пушкин наделил их чертами типа *esprit dur* новой, романтической формации (особенно отметим в следующем фрагменте определение «резкий ум»):

Условий света свергнув бремя,
 Как он, отстав от суеты,
 С ним подружился я в то время.
 Мне нравились его черты,
 Мечтам невольная преданность,
 Неподражательная странность
 И резкий, охлажденный ум.
 Я был озлоблен, он угрюм; <...>
 Кто жил и мыслил, тот не может
 В душе не презирать людей... [Пушкин: VI, 23–24]

Тем самым противопоставление героя и его судей было снято во второй раз: Онегин (а вместе с ним и автор) проявил ту же склонность к суровой и решительной оценке света, что и его критики в начале главы.

ЛИТЕРАТУРА

- Анекдот: Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX в. / Сост. Е. Курганов и Н. Охотин. М., 1990.
- Бланк: *Бланк Г. Б.* Мысли о начальном воспитании или семейная школа. СПб., 1839.
- Бродский: *Бродский Н. Л.* «Евгений Онегин». Роман А. С. Пушкина: комментарий. М., 2005.
- Виноградов: *Виноградов В. В.* История слов: около 1 500 слов и выражений и более 5 000 слов, с ними связанных. М., 1994.
- Вольперт: *Вольперт Л. И.* Пушкинская Франция. СПб., 2007.

чрезмерную заботу о светскости. Странная, на первый взгляд (в особенности, в пушкинских устах), критика литературных кружков и предложение преподавать историю как голый хронологический рассказ наследуют этой же традиции.

- Галич: *Галич А.* Картина человека, или опыт наставительного чтения о предметах самопознания для всех образованных сословий. СПб., 1834.
- Гоббс: *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001.
- Голиков: *Голиков И. И.* Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. (Изд. 2). М., 1838. Т. 5.
- Дмитриев: *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1810.
- Добродомов, Пильщиков 2000: *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* Педантизм Евгения Онегина в свете лексикографических фактов // А. С. Пушкин в Подмосковье и Москве: Материалы IV Пушкинской конференции 15–17 окт. 1999 г. Большие Вяземы.
- Добродомов, Пильщиков 2001: *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* Из заметок о лексике и фразеологии «Евгения Онегина» // Пушкинская конференция в Стэнфорде, 1999: Мат. и иссл. М., 2001.
- Добродомов, Пильщиков 2004: *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* Педант, педантство // Онегинская энциклопедия. М., 2004. Т. II.
- Добродомов, Пильщиков 2008: *Добродомов И. Г., Пильщиков И. А.* Лексика и фразеология «Евгения Онегина»: Герменевтические очерки. М., 2008.
- Кант: *Кант И.* Сочинения: В 6 т. М., 1966. Т. VI.
- Кребийон: *Кребийон-сын.* Заблуждения сердца и ума, или мемуары г-на де Мелькура. М., 1974.
- Лабрюйер: *Лабрюйер Ж. де.* Характеры, или Нравы нынешнего века. М.; Л., 1964.
- Локк: *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. М., 1988. Т. III.
- Лотман: *Лотман Ю. М.* Пушкин. СПб., 2003.
- Мольер: *Мольер Ж.-Б.* Собр. соч.: В 2 т. М., 1957.
- Монтень: *Монтень М.* Опыты. М., 1980. Т. I.
- Неклюдова: *Неклюдова М. С.* Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008.
- Пушкин: *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 17 т. М.; Л., 1937–1959.
- Словарь: Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1956–1961.
- Старобинский: *Старобинский Ж.* Поэзия и знание: История литературы и культуры. М., 2002.
- Тынянов: *Тынянов Ю. Н.* Пушкин. М., 1983. Т. II.
- Boileau: *Boileau Despréaux N.* Œuvres complètes. Paris, 1832.
- Cohen: *Cohen M.* Fashioning Masculinity: National Identity and Language in the XVIIIth century. London; New York, 1996.

- Crébillon: *Crébillon, fils*. Œuvres complètes. Les égarements du cœur et de l'esprit, ou mémoires de Mr. de Melicour. Londres, 1777.
- Dussault: *Annales littéraires ou Choix chronologique des principaux articles de littérature insérés par M. Dussault, dans le Journal de Débats, depuis 1800 jusqu'à 1817*. Paris, 1818. V. 3.
- Furetière: *Furetière A*. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. La Haye — Rotterdam, 1690.
- La Bruyère: *La Bruyère J. de*. Œuvres. Paris, 1820.
- Malebranche: *Malebranche N*. De la recherche de la vérité... Amsterdam, 1688. T. I.
- Mesnard: *Mesnard J*. Le XVII-e siècle, époque de crise universitaire // Le XVII-e siècle et l'Education. Actes du colloque // Marseille (supplément). N° 88, 1er trimestre 1972.
- Molière: *Molière*. Œuvres complètes. Paris, 1971. T. II.
- Montaigne: *Montaigne M. de*. Essais. Paris, 1793. T. I.
- Nabokov: *Pushkin A*. "Eugene Onegin": A Novel in Verse. Translated from the Russian with a Commentary, by Vladimir Nabokov. Princeton, 1990.
- Noel: *Noel F*. Dictionnaire latin-français... Paris, 1825.
- Panckoucke: *Panckoucke A. J*. Dictionnaire des proverbes françois, et des façons de parler comiques, burlesques et familiares... Francfort et Mayence, 1750.
- Petity: *Petity J. R. de*. Sagesse de Louis XVI...: ouvrage moral et politique sur les vertus et les vices de l'homme. Paris, 1775.
- Royé: *Royé J*. La figure du pédant de Montaigne a Molière. Genève, 2008.
- Tresor: Trésor de la Langue Française. Paris, 1986. T. XII.
- Vauvenargues: *Vauvenargues*. Œuvres. (Édition nouvelle <...> par D.-L. Gilbert). Paris, 1857.